

резонанс: был ли М. Шолохов автором «Тихого Дона»

Генрих Ягода не раз встречался с Шолоховым, которому и в голову не приходило, какие дела творятся в тайном ведомстве

Куда закатилось «Пятое колесо»?

Лев КОЛОДНЫЙ

ВТОРОЙ год смотрю по ночам, как и миллионы телезрителей, популярную программу Ленинградского телевидения «Пятое колесо» и особенно пристально слежу за той передачей, которую ведут в паре журналист Виктор Правдюк и литературовед Александр Заяц, исследующие так называемую проблему авторства «Тихого Дона». По сути перед глазами народа происходит беспрецедентный процесс над Михаилом Шолоховым, где один из ведущих выступает в роли пристрастного прокурора (Заяц), а другой — в роли небеспристрастного судьи (Правдюк).

Чем внимательнее слушаю их звенящие металлом голоса, чем больше свидетелей и экспертов вижу на экране, тем сильнее убеждаюсь, что закатали уважаемые граждане судьи «Пятое колесо» в глубоководную трясину. И чем энергичнее они прокручивают его в этой жиже, пытаясь выбраться из болота, тем больше комья летит и в того, кого обвиняют посмертно, и в тех, кто смотрит передачу. А комья эти грязные.

Почему я столь категоричен? Ведь выступают перед нами не юнцы, дорвавшиеся до микрофона с гитарой. Выступают люди ученые, со степенями, казалось бы, владеющие методом научного познания. Они много за два года успели сказать... Но задачу, поставленную перед собой, решить не смогли, наоборот, только запутали дело. Нарушено основополагающее правило любого процесса. Суду необходимо предъявлять вещественные доказательства, относящиеся к преступлению, в данном случае к плагиату, литературному воровству, инкриминируемому Шолохову. Во-вторых, необходимо заслушать очевидцев криминала, способных дать весомые показания. Но где они, эти «вещдоки», где эти свидетели?

Хотя судьи не раз заявляли, что хотят одного — установить истину, складывается впечатление: им-то давно ясно, что Шолохов — самозванец, а сочинил «Тихий Дон» казак станицы Глазуновской Федор Крюков, забытый русский писатель, автор нескольких выходящих до революции сборников рассказов и очерков.

Вот и в передаче, состоявшейся в начале августа, мы снова услышали суровые обвинения в адрес истинного творца романа.

В качестве доказательства плагиата Шолохова приводится... стенографический отчет XVIII партсъезда и цитируется оттуда выдержка из известной речи писателя, где он, как все без исключения тогда ораторы, мечет громы и молнии во «врагов народа», в частности, в невинных писателей, павших в годы большого террора. Что еще мог тогда сказать, в 1939 году, Шолохов, нагло обманутый высокопоставленными преступниками в Кремле и на Лубянке? Они представили ему собственноручно написанные «признания» несчастных, полученные под пытками, где подробно, в мельчайших деталях, описывали они свою связь со шпионами, диверсантами, троцкистско-бухаринскими наймитами и прочими мифическими предателями. Да, Шолохов тогда, как все, глубоко заблуждался. Но какое это имеет отношение к проблеме авторства романа, написанного за десять лет до съезда?

Далее приводится в качестве доказательства вины Шолохова судебный отчет по делу... Берии, том IV, даже указывается номер листа из этого дела. Из него явствует, что, будучи в Москве, писатель встречался с главой органов Генрихом Ягодой, что за Шолоховым из НКВД высылалась служебная машина, а знакомый чекист, работавший в этом ведомстве, управлял в Вешенскую мебель...

Ведь что происходит? Берутся не имеющие никакого отношения к делу стенографический отчет партсъезда, протокол судебного процесса — и все это швыряется в Шолохова. Подвернись камень — и его бы бросили. Разве это не образец того самого «интеллектуального террора», с которым, казалось бы, борется «Пятое колесо»?

Генрих Ягода не раз встречался с Шолоховым, которому и в голову не приходило, какие дела творятся в тайном ведомстве.

Но ни слова не говорится, что этот самый Ягода и его подчиненные, приставленные к литературе, Шолохова иначе как «контриком» не считали, о чем ему открыто говорили во время застолья. Они же всячески мешали публикации третьего тома романа «Тихий Дон», где описывалось преступное рассказывание, о котором автор имел мужество писать в те жестокие годы.

Приходилось встречаться с выродками из ОГПУ—НКВД, потому что от них зависела не только судьба романа, но и жизнь. Михаил Шолохов поддерживал отношения и с Николаем Ивановичем Ежовым, с другим знаменитым злодеем, наркомом внутренних дел. В его служебном кабинете на Лубянке не раз можно было увидеть писателя. Но зачем он туда ходил? Не как осведомитель, сексот. Он являлся туда, чтобы спастись невинных. Не кто другой, а Шолохов спас руководство Вешенского района от казни, вытаскивал это руководство из тюрьмы. Шолохов спас от голода десятки тысяч казаков Дона, когда у них отобрали весь хлеб. Борцом со сталинизмом его назвать нельзя, но борцом за народ — с полным правом — можно. Свидетельствуют об этом бесстрашные письма Шолохова, в частности, Сталину, которые я недавно напечатал. Даже три года назад ни «Правда», ни «Известия» на публикацию не решились, нашлось письма место только на страницах малотиражных «Московских новостей». Загляните в подшивку этой газеты, и там вы прочтете такие шолоховские слова о коллективизации, за которые легко можно было угодить не только за решетку, но и на эшафот.

Да, Шолохов мог, приехав в Москву, получать машину от «товарищей» с Лубянки, и дверь открывал к ним; можно сказать, левой ногой. Но что из этого? Эти же шолоховские товарищи завели «дело» на Шолохова; группами заехали из Ростова на-Дону и Москвы денно и ночью соби-

рала «компромат» на писателя как на главу «контрреволюционного заговора». Предупрежденный о грозящем аресте, Михаил Шолохов бежал из Вешенской в Москву, добился приема у Сталина. Ему помог избежать кары Иван Погорелов, чекист, который, рискуя головой, пошел против своих наставников. Погорелов и Шолохов победили в поединке на ковре у Иосифа Виссарионовича, хотя против них выступили сотрудники тогда еще всесильного Ежова, затеявшего столь подлую провокацию. Шолохов выиграл и эту схватку. Подробно об этом в «Московской правде» я рассказал три года назад первый, хотя во многих редакциях успели побывать мемуары Ивана Погорелова, напечатанные только в минувшем году.

Наконец, хочу доложить обвинителям, ведущим процесс над Шолоховым, что лично и к Лаврентию Павловичу Берия входил писатель. И к нему являлся. Как спаситель арестованных. Пытался выволочь Ивана Клейменова, директора первого в мире реактивного института. Друга Шолохов не успел спасти, его быстро судили и расстреляли, а вот жену его, Маргариту Константиновну Левицкую-Клейменову, бывшую сотрудницу секретариата Совнаркома при В. И. Ленине, освободил из лагеря, за что она по сей день благодарна Михаилу Александровичу и готова рассказать, какой был замечательный он человек. Обращались за помощью к нему Андрей Платонов, Анна Ахматова и десятки других писателей. Всем, чем мог, помогал. Поэтому и бывал в НКВД, сидел за одним столом с такими, как Ягода, Ежов, Берия и другие.

Но какое это имеет отношение к проблеме авторства? Кто из известных писателей прошлого не общался с руководителями органов? Горький знал с Ягодой, но роман «Жизнь Клима Самгина» писал сам. Фадеев играл в бильярд с Берия, а «Молодую гвардию» не воровал.

Который уж раз катится «Пятое колесо» по костям Шолохова? Кажется, в августе — шестой. А ничего существенного по делу мы не узнали, ничего не увидели.

Посулил Александр Заяц сообщить много нового в будущем. Как видим, собирается тянуть эту канитель долго, обещал уточнить год рождения писателя, документально установить, сколько классов окончил гимназист Шолохов... Буду рад, если новые материалы наука получит. Но даже если мы узнаем, что Шолохов был старше или моложе, чем принято считать, если выяснится, что бросил гимназию не в четвертом, а в третьем классе... Ну, и что с того? Примеров раннего творческого созревания в истории искусства и науки — тьма. Год рождения нам ничего не доказывает. Точно так же, как и число законченных классов. Иван Бунин с трудом осилил три класса гимназии, два года сидел в одном из них, не успевал по математике. Но ведь классиком русской литературы стал и лауреатом Нобелевской премии по литературе — тоже. Грамотным был человеком. Образованным. Маяковского, по его словам, «из пятого вышибли класса» гимназии, учился он затем несколько лет в училище живописи. Однако запятые ставить не умел, за него это делал Осип Брик.

А вот Михаил Шолохов, не имея законченного среднего образования, был абсолютно грамотным человеком. Посмотрите на хранящиеся в «Пушкинском доме» в Ленинграде рукописи третьей и четвертой книг «Тихого Дона», в авторстве на них Шолохова никто не сомневается. Посмотрите. Увидите, что в любой фразе, самой черновой, все верно, все на месте, расставлены все знаки препинания.

Обещают правдолюбцы «Пятого колеса» предъявить зрителям материалы судебных процессов, в которых участвовал некогда Шолохов. Интересно будет на них посмотреть. Как и на материалы из казачьих архивов, хранящихся за границей, которые якобы собираются приобрести.

Но что бы ни купили за границей, какие бы материалы судебных процессов ни привлекли судьи «Пятого колеса», ни одного вещественного доказательства против авторства Шолохова на «Тихий Дон» не появится ни у товарища Заяца, ни у товарища Правдюка и их консультантов потому, что таковых в природе не было и нет.

Напомню: несколько месяцев назад заинтригованным зрителям уже сообщалось, что в Горном институте хранилась некая рукопись романа Федора Крюкова, которой якобы воспользовался Шолохов. Где эта рукопись? Вместо нее на экране появилась дочь покойного литературоведа Ирины Николаевны Медведевой-Томашевской, которая на старости лет сочинила «Стремя «Тихого Дона», чем бросила тень не столько на Шолохова, сколько на себя, на доброе имя мужа, известного пушкиниста. Была Медведева знатоком Крыма, русской литературы XVIII—XIX веков. Дона, жизни и творчества Шолохова, как нужно для специалиста, не знала. Пыталась безуспешно доказать, что у «Тихого Дона» не один, а два автора: Федор Крюков — основной, Шолохов — прибудный, который якобы переписал первых два тома, кривоковские, а два последних дописал. Все это выдумки, мнимое литературоведение. Ни один шолоховед в мире не принял эти упреждения за научную работу. Один историк, Рой Медведев, разделил подобную точку зрения и, в свою очередь, в семидесятые годы написал книгу, развивающую по сути положения Медведевой-Томашевской.

Ни у Роя Медведева, ни у Медведевой-Томашевской нет ни одного реального доказательства разрабатывавшейся ими версии, нет ни строчки рукописи Крюкова, ни черновика, ни беловика, относящихся к роману. Их не было, поскольку Федор Крюков романов не писал, предпочитал другие литературные формы.

Напрасно «Пятое колесо» представляет зрителям Федора Крюкова как «большого русского писателя», напрасно представляет Александра Заяца как первооткрывателя этого забытого литератора. Большие писатели не забываются. Ивана Бунина не печатали десятилетия, но предать забвению его не удалось. Русская дореволюционная критика знала истинную цену Федору Крюкову, «второстепенному», «эпохальному» художнику, соратнику Короленко по журналу «Русское богатство», автору рассказов и очерков о донских казаках. В переписке Крюкова с его земляком Александром Серафимовичем, относящейся к 1917 году, недавно появившейся на страницах журнала «Волга», ничего о романе не говорится, хотя с Серафимо-

ви тем Крюков делился литературными планами.

Федор Крюков, член донского правительства, редактор его печатного органа, боролся с Советской властью до последнего вздоха. Он умер в начале 1920 года. Поэтому его и не печатали в СССР, несмотря на то, что его рассказ «Без огня» ценил В. И. Ленин, а Максим Горький призывал молодых учиться у него. Любое упоминание о Крюкове в шестидесятые—семидесятые годы вызвало бурную реакцию у ревнителей чистоты нашей литературы, в том числе у некоторых шолоховедов, замалчивавших имя Федора Крюкова, организовывавших погромные статьи в вышестоящей печати, когда в местных газетах появлялось доброе слово о забытом донском литераторе.

Но Шолохов — не шолоховед, за их поступки не отвечает, как и за статьи ярых друзей, на одну из которых ссылается «Пятое колесо». Это появившаяся недавно из-под пера М. Алексеева статья под характерным названием «Орел продолжает парить в поднебесье».

Верно, такие статьи ничего не доказывают, только поддерживают на плаву версию о плагиате, потому что обходят во прос, волнующий народ. Шолохов родился орлом, взлетел в молодости высоко-высоко, написал «Тихий Дон». Но последние десятилетия ничего не писал, жил орлом с перебитыми крыльями. Почему так произошло? Ярые друзья, по-видимому, скрывают истину от читателей. И чем сильнее затемняют они это важное обстоятельство, тем больше сомнений рождается относительно автора «Тихого Дона». Скорее всего, друзья Шолохов держал на почтительном расстоянии от души, не делился с ними своим горем.

Михаил Алексеев, как другие мемуаристы, рекомендуя себя друзьями писателя, многого не знает о Шолохове, не знает, в частности, что роман писался на бешеной скорости. Начал его Михаил Александрович осенью 1925 года. Две неизвестные главы из этого варианта романа впервые я недавно опубликовал в «Московской правде» (в номере от 20 мая). Напечатал по рукописи. Послал «Пятому колесу» этот номер газеты. Но ответа не получил. И «Пятое колесо» ведет дело так, будто бы этого куска шолоховской прозы и нет. А между тем он неопровержимо доказывает, что если Шолохов у кого и переписывал «Тихий Дон», так это у самого себя, использовал раннюю рукопись, отдельные фразы, эпизоды в четвертой части романа.

Мы, таким образом, имеем документальное подтверждение, что Шолохов начал роман осенью 1925 года. Написал несколько глав, но потом застопорился. Год мучился, искал выход из творческого тупика. Нашел его спустя год, начав заново писать роман 8 ноября 1926 года. Три книги сочинил в 1925—1928 годах. То есть за три года. Это вполне реальный срок. Никто тогда не мешал молодому автору, не отвлекал собраниями, заседаниями, прочей псевдодеятельностью.

Есть еще одно основание, позволяющее ныне любому безвестному доценту или младшему научному сотруднику сочинять на скорую руку публикации, ставящие под сомнение авторство великого писателя с мировым именем. Основание это серьезное, состоит оно в том, что ни один современный шолоховед не видел рукописей первых двух книг «Тихого Дона».

Объясняют это тем, что во время войны, когда фронт подошел к Дону и Вешенская оказалась на линии огня, произошла трагедия. На усадьбу писателя упала фугасная бомба. Она убила мать Михаила Александровича на пороге дома. Часть документов писатель уложил в ящик и перенес его на хранение в местное отделение НКВД, которое, как утверждают, эвакуировалось в Сталинград, и уже там, в огне и пламени сгорели шолоховские документы и рукописи.

Библиотека и архив писателя оказались брошенными на произвол судьбы. Многие видели, как по опустевшей станице ветер гнал страницы, исписанные рукой Шолохова. Тогда погибла вторая часть рукописи романа «Поднятая целина», рукописи ранних повестей и рассказов, непубликованные сочинения.

После окончания войны один из офицеров, подобравший в Вешенской некоторые рукописи Шолохова, вернул их писателю. То были страницы из третьей и четвертой книг «Тихого Дона». Кроме офицера, находили отдельные страницы и другие люди, передававшие их Шолохову, его семье. Все они находятся в Ленинграде, шолоховедом хорошо известны, один из листов передан в королевский архив Стокгольма, где по традиции хранят рукописи лауреатов.

Но ни в этом архиве, ни в каком другом государственном архиве рукописей первой и второй книг «Тихого Дона» нет.

А был ли мальчик? — задают вопрос сочинители антишолоховских публикаций и смело берутся за перо, за микрофон «Пятого колеса», зная, что никто их не опровергнет, предъявив вещественные доказательства. То есть утраченные рукописи. Без них не оправдаться никому самому невинному автору, подозреваемому в плагиате, без них невозможно доказать также и преступность любого плагиатора. Однако писать гипотетические монографии вроде тех, что сочинила Медведева-Томашевская и Рой Медведев, — можно, выступать перед экраном — пожалуйста, что и делают В. Правдюк и А. Заяц.

Однако все авторы этих монографий, все авторы разоблачительных телепрограмм глубоко заблуждаются, полагая, что им все дозволено.

Был Михаил Шолохов автором «Тихого Дона»? Были рукописи первых двух книг романа, написанные его рукой. Есть они в природе. Сохранились стараниями людей, не бросивших их на произвол судьбы во время войны, паники, бомбежек, что это сделали вешенские чекисты.

Книгу, где анализируются первый, второй, третий вариант «Тихого Дона», беловики и черновики, я написал, часть этой работы появится в журналах, думаю, что книга увидит свет, во всяком случае, она из ее глав, появившаяся 20 мая «Московской правде», вызвала большой интерес в Институте мировой литературы. Впрочем, этот институт не имеет авторитета, для них важнее авторитет конъюнктурных, политизированных давних писанин, выдвигивающих научной критики.

Да, попало в трясину «Пятое колесо»